УДК 316.42(571.6)

Шиян Виктор Никитович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (г. Хабаровск). *Тел.: (4212) 31 59 75*

В.Н. Шиян
V.N. Shiyan

Социальная открытость Российского Дальнего Востока: миропорядковые аспекты

Открытость рассматривается с позиции коммуникационных свойств человека как способность людей и социальных групп, объединений и организаций участвовать в многообразных взаимодействиях, опираясь на них как на важнейшее необходимое условие своего развития. В социальной открытости основное внимание уделяется его общественным коммуникационным формам, включая сюда экономические, технические, территориальные, финансовые и другие организационные предпосылки взаимодействия людей. В статье анализируются события, происходящие на Российском Дальнем Востоке, обусловленные современными трансформациями цивилизационного и геополитического характера в мире, а также проводимыми здесь одновременно хозяйственно-экономическими, административно-правовыми, социально-политическими и другими организационными преобразованиями. Обращается внимание на складывающуюся зависимость будущего миропорядка в этом макрорегионе от взаимодействующих факторов со стороны всей России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР).

Social openness of the Russian Far East: world order aspects

Openness is considered from a position of communication properties of the person as the ability of people and social groups, associations and organizations to participate in diverse interactions, relying on them as on the most important necessary condition of the development. In social openness the main attention is paid to its public communication forms, including economic, technical, territorial, financial and the other organizational prerequisites of interaction of people here. In this article the events which are taking place in the Russian Far East, caused by the modern transformations of civilization and geopolitical character in the world and also which are carried out here by at the same time economic and administrative and legal, socio-political and the other organizational transformations are analyzed. Attention to the developing dependence of the future world order in this macro-region from the interacting factors from all Russia and the countries of the Pacific Rim is paid (further – PR).

Keywords: *world order, the Far East of Russia, modernization of the Russian Far East, organizational creativity in the conditions of social modernization, methodology of the open model of development.*

Ключевые слова**:** *миропорядок, Дальний Восток России, модернизация Российского Дальнего Востока, организационное творчество в условиях социальной модернизации, методология открытой модели развития.*

1. Актуальность современного Российского Дальнего Востока в миропорядке. Миропорядок (буквально: *мировой порядок*) означает систему взаимоотношений, включающую в себя совокупность принципов и правил, лежащих в основе функционирования широкой (глобальной, международной) общественной системы. Этот термин получил распространение в теории и практике международных отношений последних десятилетий при рассмотрении механизмов и организационных устройств между государствами, позволяющих контролировать и предсказывать течение жизни мирового сообщества.

Как объект миропорядка, Дальний Восток России сформировался преимущественно в XVII – XVIII вв. Ведущая роль в этом процессе принадлежала миграции населения из европейских и южных территорий нашей страны, Урала, Сибири, а также хозяйственно-экономическим и социально-бытовым взаимоотношениям с Северной Америкой, Японией, Китаем, Кореей. К XIX столетию активная роль Дальнего Востока существенно возрастает, прежде всего, в решении его территориальных вопросов и, соответственно, в вопросах владения, распоряжения и пользования региональными природными ресурсами, размещения здесь транспортных и других коммуникаций и инфраструктуры, включая стратегические и социальные объекты.

Существенная переоценка ценностей в отношении Российского Дальнего Востока стала осуществляться мирохозяйственными структурами во второй половине XX столетия. В этот период со стороны многих государств, определяющих миропорядок, по отношению к нашей стране проявилось стремление закрепить итоги её проигрыша в «холодной войне» и зафиксировать утрачивание ею статуса «сверхдержавы». На первое место в сформулированных претензиях к ней выдвигались проблемы «мировой культуры», обусловливающие вопросы поведения российских людей, их мотивации в условиях современного общества.

Многие экономически развитые страны предпочли в подобных условиях выбирать варианты своего развития на пути нагнетания экономической, территориальной, ресурсной, технологической, энергетической, финансовой, информационной, коммерческой и другой напряженности, что, в конечном счёте, выразилось в разнообразных формах агрессии (росте экстремизма, терроризма, тоталитаризма и пр.). Одной из таких форм социальной агрессии стала практика навязывания России особого миропорядка, ориентированного на разработку системы экономических,

финансовых, торговых, технологических, инновационных и других санкций. В своей совокупности они предполагали «*закрытие*» магистрального цивилизационного направления развития для России и устранение её с этой арены путём «удушения». Этот подход по отношению к нашей стране в трансформированных видах существенно сохраняется до настоящего времени [13].

Во второй половине XX столетия произошла дальнейшая интеграция цивилизационных и геополитических процессов и актуализировалось внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону. «Своё место» в них отводилось и российским дальневосточным территориям. На фоне растущего экономического отставания России от развитых стран и переживаемого ею общего кризиса весьма великими стали соблазны демонтажа внешнеэкономических связей, в том числе и на Дальнем Востоке. Поскольку такая политика ориентирована исключительно на частную выгоду держателей капитала, то, несомненно, самым удачным делом кое-кому виделась продажа богатым странам территорий России, как это произошло ранее с Русской Америкой. Имели место и такие версии реформационных процессов, когда Россия будет обречена на запустение и провинциализацию либо колонизацию её Дальнего Востока и Сибири Японией, Кореей, Китаем и другими странами [8].

Один из вариантов миропорядковых процессов предполагает вызревание на территории Тихоокеанского побережья своего *евразийского* проекта. Он базируется в настоящее время на концепции «моста» между Тихим и Атлантическим океанами [15]. Но за реальные возможности участия в нём России ещё необходимы значительные организационные усилия, чтобы этот путь прошёл по её территории, насыщая российские пространства живительной энергией. Из имеющихся в нашей стране ресурсов для внешних участников этого проекта наибольшую привлекательность представляют её природные богатства, пространственные масштабы и возможность создания глобальных транспортных и коммуникационных систем. Здесь следует признать, что эти российские ресурсы могут быть использованы участниками данного проекта в западных направлениях и в обход дальневосточных территорий, вследствие чего значительно затрудняется практическая ориентация на данный вариант развития реформационных событий. Угрозы такому варианту течения событий имелись в виду авторами современной модернизационной стратегии нашей страны, включая Сибирь, Арктику, Дальний Восток, где отмечается возможность переориентации международных транзитных грузопотоков в обход России. Вместе с тем, сохраняется и усиливается действие фактора взаимосвязанности (комплексности) территорий жизнедеятельности, хозяйствования, стратегий развития. С учетом его восточные территории России «… становятся зоной пересечения возрастающих геополитических интересов ряда стран, прежде всего США, Канады, Китая, а также Японии, Республики Корея и др. В этих странах будет возрастать стремление к устойчивому использованию больших энергетических ресурсов макрорегиона и природно-ресурсного потенциала

этой зоны в целом, уникальных её транзитно-транспортных возможностей» [1].

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, Россия и её дальневосточные территории безусловно входят в систему миропорядковых интересов и объективно и субъективно не будут обречены на «запустение» и «забвение». Во-вторых, в этих цивилизационных и геополитических миропорядковых трансформациях с неизбежностью будут участвовать разнообразные международные социальные субъекты, имеющие противоречивые тенденции и отражающие всю гамму общественных отношений (прогресса, регресса, либерализма, консерватизма и пр.), опирающихся в идеологической направленности на собственное видение путей дальнейшего «развития», включая агрессию, реакцию и тому подобные изменения. Поэтому с российской стороны (и у дальневосточных территорий тоже) должна быть соответствующая готовность к восприятию подобного отношения к ней. В-третьих, Россия, подчиняясь общецивилизационным требованиям, вынуждена вырабатывать специфические правила поведения. Вполне понятно, что строгое соблюдение традиционных для нашего общества принципов *в неизменном виде* может лишь частично удовлетворить требования других стран к России по её участию в новом евразийском миропорядке. Со стороны российской общественности в качестве характеристики цивилизационной идентичности предлагается понятие «соборность», близкое по смыслу к обращенности нашего народа в будущее, *открытости* миру (русской «всемирности», всемирного «боления» за всех) [3, с. 442]. Прежде всего, именно Россия сейчас не может быть удовлетворена претензиями к ней со стороны отдельных участников миропорядка, поскольку они предлагают не «налаживание» механизма взаимодействия стран и народов, а «удушение» нашего государства. Центральным направлением ряда ведущих хозяйственных, экономических, финансовых, технических, информационных, коммуникационных и других действий со стороны международных политических, идеологических, финансовых структур по отношению к нашей стране обозначилось стремление «*закрыть Россию*»: изолировать её от остальной части миропорядка. Это аргументируется необходимостью полного отказа России от сохранения ею собственной идентичности, третируемой в качестве «азиатского пережитка». Вместе с тем, к настоящему времени в нашей стране создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания потенциала Российской Федерации, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире нынешнего времени [13].

Из многообразных вариантов реформирования Российского Дальнего Востока преимущественное внимание со стороны отечественных субъектов управления уделяется тем, которые ориентированы на *участие самой России* и *её дальневосточных территорий* в предусматриваемых преобразованиях, на включение хозяйствующих, финансово-экономических, организационных, социальных и других государственных, муниципальных, общественных структур страны в проводимых процессах. Вследствие этого место и роль

Российского Дальнего Востока в миропорядке отражают как внутренние для нашей страны и его восточных территорий вопросы, так и внешние отношения; как хозяйственно-экономические, правовые, финансовые проблемы, так и социальные, информационные, коммуникативные и другие стороны культурной жизнедеятельности дальневосточников. Именно этот подход позволяет *преодолевать попытки «изоляции»* России и формировать модели *открытости* всей её жизни.

2. ***Современные модернизационные ориентиры Российского Дальнего Востока***. Анализ происходящих на территории Российского Дальнего Востока организационных преобразований позволяет сделать вывод о том, что они ведутся непрерывно, имеют локальные, а также значительные пространственные и временные параметры, пронизывают собой все слои и уровни жизнедеятельности макрорегиона, составляя структурные компоненты его функционирования и развития. Современные дальневосточные миропорядковые преобразования имеют свою логику и детерминанты. Помимо аспектов, обозначающих актуальность их возникновения и потребности решения, важно выразить и динамику развития самого вопроса. В «*необходимости*» постановки и решения проблем стратегии развития Дальнего Востока недостатка нет, о чем свидетельствует его история. Такой ситуация остаётся и на рубеже веков и тысячелетий. Другое дело – обнаружение исторической особенности нынешних преобразований, справедливо получивших название «*новых*», «*модернизационных*».

Стремление получить ответы на вопрос: «Какими путями модернизировать жизнедеятельность дальневосточников?», – прежде всего, упирается в недоуменные встречные контраргументы: «Почему у нас не получается так хорошо, как у некоторых других?». Поиски решений этих проблем ведутся преимущественно в сферах методологии и психологии. Методология подсказывает необходимость организации в первую очередь более углубленного анализа ситуации и проведения «широкого» мониторинга, отыскания «знающих» специалистов, создания «необычных» методов, обнаружения «скрытых» факторов, вовлечения дополнительных ресурсов и пр. Сюда включаются попытки достижения единства объективных и субъективных форм знания и деятельности, привлечения рациональных и иррациональных методов управления, реальных и виртуальных областей информации, технических и логических средств и др. Подобные «новеллы» неизбежны и необходимы, этого нельзя отрицать, и без них культура управления никогда не обойдется. Из психологических методов «выходит», что наши работники либо хуже «сами по себе», либо «*не хотят*» работать, либо требуют к себе повышенного внимания и т. п. Вместе с тем, постепенно происходит *освобождение* от многих методологических и мировоззренческих *иллюзий*, сформировавшихся прежде под влиянием идеологических факторов противопоставления капитализма и социализма, Запада и Востока, Европы и Азии и др. Они ещё недавно выступали в роли идеологических стереотипов, *скрывающих* многие наши организационные

ошибки и другие недостатки, препятствующих *открытому* их признанию и преодолению. Наступили другие времена, а вместе с ними «накатились» современные проблемы. Россия «удалилась» из мировой системы социализма, и нам нет нужды продолжать делить мир на «богатый капитализм» и «бедный социализм». В качестве структурообразующих компонентов развития человечества сейчас рассматриваются отношения общества и власти, в качестве движущих сил – взаимодействие между властью, бизнесом и социальными факторами, ведущая роль в них признаётся за *культурой* и *техникой*. Уже нет *объективных* потребностей «изображать» из себя «*неумелых*» и «*незнающих*», неотвратимо нуждающихся в первостепенной подсказке и *помощи*. Поэтому при подразделении территорий в масштабах России, а также дальневосточного миропорядка факторы этой динамики необходимо учитывать в полной мере.

Среди многообразия проблем, обострявших отношения Дальнего Востока с Россией и его положение в Евразии, нередко выдвигались мотивы его *отдаленности*. Пространственная отдаленность (удаленность) обозначалась в качестве основания для повышенных транспортных расходов и ценовых образований, тарифов и других платежей, несогласованности протекания событий во времени, социально-культурных различий в поведении людей и прочих подобных «сложностей». Данные мотивы ясно просматриваются и в характеристике анклавизации Дальнего Востока, специально отмеченной в Программе социально-экономического развития этого макрорегиона, принятой в 2013 г. Но ещё на «заре» социалистических преобразований в стране В.И. Ленин в своей последней публичной речи, произнесенной им на Пленуме Московского совета, говорил, что «… Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский» [4, с. 303]. Эти слова он произнёс в желании подчеркнуть стремление других народов к общению и взаимодействию с Россией.

Для обоснования *отдаленности* Дальнего Востока приводятся различные доводы и *поводы*, включающие в себя «объективные» и субъективные «причины», экономические, коммуникационные и пространственно-этнические интересы, вплоть до бюрократических капризных заявлений. В конечном счёте, преобладающая значимость в решении дальневосточных вопросов «оказывалась» *за здравым смыслом*. А он диктовал для ставшего традиционным Российского Дальнего Востока путь дальнейшего миропорядкового движения со всей Россией. Пусть трудное, противоречивое и обогащенное евразийскими социально-культурными свойствами, но их совместное продвижение в будущее. Для демонстрации содержательности этого тезиса приведем следующий факт. Адмирал Г.И. Невельской, долгое время прослуживший на Дальнем Востоке, многое сделавший для его закрепления за Россией и многократно страдавший от её бюрократической царской «машины», в своих воспоминаниях описывает жуткую ситуацию: необходимость доказывать чиновникам центральных ведомств полезность присоединения этой территории к нашей стране. Морским офицерам, рискнувшим на такой шаг, грозило бы жесточайшее

преследование со стороны убежденных в правоте обратных взглядов «высокостоящих» сановников, от которых зависело и требовалось проявление конкретной заботы (снаряжения экспедиций и пр.). «… Представлять правительству о снаряжении экспедиции с этой целью было уже невозможно; ибо после его решения, в котором были заинтересованы первые сановники государства, не только нельзя было ожидать на это согласия, но, напротив, тех, которые осмелились бы сделать подобное представление, ожидало бы тайное или явное преследование. Озарить этот край светом истины и этим отклонить высшее правительство от потери его навсегда для России возможно было лишь случайно и при содействии лиц, твёрдо убежденных в ошибочности взгляда на этот край, – взгляда, унаследованного от авторитетных, знаменитых мореплавателей и последующих за ними экспедиций. Тут нужны были люди, которые решились бы действовать в сложных обстоятельствах вне повелений, – люди, вместе с тем, одушевленные и гражданским мужеством, и отвагой, готовые на все жертвы для блага своего отечества» [6, с. 76**].**

Предвидя неизбежные отсылки своих оппонентов к «трудностям дальневосточной жизни» вследствие *отдаленности* этих территорий, авторы проекта «Россия: восточный вектор…» включили в него комплекс организационных предложений, направленных на предупреждение таких и им подобных отсылок и обвинений [11, с. 12 – 16]. Это один из вариантов решения возникающих проблем, который трудно признать в чем-то новым, и который называется заинтересованным *предвидением*. Другой вариант можно взять из ситуации, возникшей в ноябре 2013 г. на заседании в г. Комсомольске-на-Амуре Правительственной комиссии РФ по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. Здесь шёл разговор о формировании *модели* развития экономики макрорегиона. Тогда 12 ноября (по итогам заседания) было принято решение, что на Дальнем Востоке и Байкальском регионе будет реализовываться *новая модель* развития [10]. В этой *новой модели* самое пристальное внимание уделяется вопросам преодоления *состояния отдаленности* Дальнего Востока. Примером тому выступает специфический вариант проведенной впоследствии реорганизации Министерства регионального развития РФ. И этот вариант называется неравнодушным – человеческим – отношением к решению общих проблем. На ослабление действия фактора *отдаленности* Дальнего Востока от всей России направлены и другие меры модернизации его жизнедеятельности.

Существенным фактором, определяющим положение Российского Дальнего Востока в миропорядке и отношение к нему, выступает его *неоднородность*. Основания неоднородности обусловливаются самим способом формирования территорий, имеющих различные пространственные, природно-климатические, социально-ресурсные и другие характеристики. В 2012 г. территория Дальневосточного федерального округа занимала 36,1% всей площади страны, в то время как здесь проживали всего 4,4% состава её населения. Уже этот факт свидетельствует о наличии неоднородности субъектов РФ, объединяемых в федеральные округа.

Функционально неоднородности находят своё выражение в появлении диспропорций в производственно-хозяйственной, экономической, энергетической, финансовой, коммунальной, транспортно-коммуникационной, информационной, социально-бытовой, духовно-культурной и других сферах жизни. Важнейшими объектами заботы населения дальневосточных территорий, его социальных, управленческих, хозяйствующих и других структур к настоящему времени являются *наличные рыночные* условия их развития. В последние десятилетия существенно актуализировалась значимость тех факторов, которые создают предпосылки реализации имеющихся у территорий условий и ресурсов развития. Их естественные и социальные различия в решающей мере обусловливаются как неоднородностью *состояний* развития этих территорий, так и *возможностями* дальнейшей динамики в наращивании своего социально-экономического потенциала. Эта ситуация выразилась, как минимум, в двух аспектах экономической жизни Дальневосточного региона России последних лет: во-первых, в усилении внимания к поиску дополнительных, включая и иностранных, инвесторов развития этих территорий. Регионы, как относительно самостоятельные субъекты, в условиях финансовой стабилизации испытывают постоянный дефицит финансовых ресурсов не только на развитие социальной сферы, заботы о которой были возложены непосредственно на деятельность региональных и муниципальных структур, но и на поддержание минимальной производственной активности региональных рынков и межрегиональных связей [14, с. 15]. Во-вторых, в возникновении повышенного интереса к расширению экономических, социальных и других свобод, расширяющих условия открытости путем создания свободных экономических зон. В условиях современных дальневосточных модернизаций эта тенденция выразилась в формировании территорий опережающего развития (далее – ТОР), одной из конкретных форм которых стали территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) [12].

Анализ практики проведения современных модернизационных преобразований на Дальнем Востоке позволяет отметить ряд значительных аспектов их новизны. Помимо уже названных, обратим внимание ещё на два. Первый выражает специфику *механизма реализации* самого процесса модернизации, когда предпочтение отдаётся не формальным сторонам проведения преобразований (строгой безукоризненности выполнения намеченных решений, однозначности и «принципиальности» их оценок и т. п.), а создаются возможности для применения более качественных решений, предупреждения нерациональных вариантов действий, исправления допущенных ошибок и т. п. В таких организационных условиях возможно сочетание требовательности и обязательности действий с доверием и поиском лучших вариантов. Девизом деятельности в таких условиях могло бы стать выражение «Темпы – не в ущерб качеству», что способствует «пробуждению» *социального творчества*. Второй характеризует специфику общей направленности процессов модернизации. В настоящее время

значительно меняется характер комплексности (общей детерминации) проводимых преобразований и усиливается *социальная* направленность деятельности. Ранее уже отмечалась практика расширения пространственных и временных параметров преобразований. Следует отметить также существенное расширение сфер пристальных интересов, ориентированных на обеспечение безопасности жизнедеятельности государства и человека, включая информационную безопасность, качество жизни людей и её продолжительности, социальных взаимодействий и их высокотехнологического обеспечения. Усиление социальной направленности приоритетов очевидно при решении соотношения экологических и экономических вопросов, коммерческих и стратегических проблем, а также при выборе ряда других интересов. Причём, территории Дальнего Востока нередко становятся объектами их *пионерного* освоения. Очевидно, *социальная* направленность развития восточных территорий России *ожидает* своих специальных исследований, включая выяснение коренных социальных вопросов российских дальневосточников [8].

Здесь полезно отметить тесную взаимосвязь открытости условий деятельности социальных субъектов с её результативностью, что выступает их связующим, стимулирующим звеном и дополнительным фактором в социальном творчестве. Открытость является важнейшим условием социального творчества, что исторически и практически реализуется многими концепциями, ориентированными на *развитие*. В.Ф. Ефременко рассматривает открытость рынка услуг в качестве одного из условий его эффективного размещения на конкретной территории и создания региональной инновационной системы (РИС). «… Услуги инфраструктуры по созданию и реализации инновационной продукции, – пишет он, – оказываются организациям, размещенным в данном территориальном образовании. Инновационная инфраструктура относится к так называемой «мягкой» (soft) инфраструктуре и имеет явную региональную принадлежность. Она является, с одной стороны, *открытым рынком* (курсив наш – В.Ш.) специальных услуг, а с другой, – важнейшей характеристикой территории, наряду с уровнем развития «жесткой» (hard) инфраструктуры (транспортные и энергетические мощности, линии связи и т. д.). В своем втором качестве она является объектом управления и развития региональных властей, заинтересованных в реализации инновационной стратегии. Потенциал инновационной инфраструктуры может быть оценён её способностью осуществлять трансфер, инкубирование и продвижение на рынок инновационных проектов (в количественных и качественных показателях).

Роль региональной государственной власти является ключевой в создании РИС, т. к. рыночные механизмы способны поддерживать работу и взаимодействие подсистем, но не способны сформировать систему в целом, создать недостающие элементы РИС. В структуре власти необходим специальный орган, отвечающий за эффективную работу РИС, формирование благоприятной нормативно-правовой среды для работы всех

элементов системы и связей между ними» [2, с. 13]. Пожелание это весьма актуально, но начинать реализовывать его нужно было не менее чем два десятилетия назад. К настоящему времени наиболее доступные региональные рынки уже в значительной мере заполнены агентами из других, в том числе и соседних, регионов. Подобная «нерасторопность» в настоящее время обнаруживается и отмечается по целому ряду направлений деятельности формирования и развития социальных инноваций в дальневосточных территориях.

В своей совокупности внутренние и внешние трансформации, происходящие на Российском Дальнем Востоке, характеризуют его состояние и направленность в современном миропорядке. Здесь идут процессы активной интеграции и другие преобразования на уровне цивилизационных ценностей, геополитических интересов, экономических отношений, а также других социально-культурных связей. Дальний Восток, несмотря на наличие «удушающей» позиции к России со стороны ряда стран, не утратил интереса для миропорядка в целом. Миропорядок интересен и для российских дальневосточников, без чего они, по большому счету, не мыслят своего будущего в евразийском пространстве. Но Российский Дальний Восток сохраняет высокий уровень ценности и для самой России как необходимое условие её целостного и совместного продвижения в будущее.

***3. К*онтуры новой модернизации.** В силу ряда объективных причин и субъективных обстоятельств в настоящее время пока невозможно (да и совершенно не нужно) называть *все* параметры задуманной и проводимой модернизации Российского Дальнего Востока. Сам миропорядок по ряду аспектов представляет сейчас весьма «зыбкую» картину. Как динамичная система, концепция модернизации исходно содержала и всегда будет содержать многие свои элементы в качестве *вариативных*. О чем сейчас не только можно, но и следует вести речь? Конечно же, наряду с конкретной организационной деятельностью по проведению модернизации Дальнего Востока, своё необходимое значение должна занимать разработка *методологии* преобразований, достижения *общей социальной направленности их результатов.* Среди обозначившихся компонентов методологии модернизации (выражения современных цивилизационных ценностей, ориентации на евразийские идентичности, инновационности, социальности и др.) одно из центральных мест отводится *открытости* российского общества и *деятельности* по её совершенствованию. *Открытость* рассматривается одновременно как ценность жизнедеятельности россиян, как важнейшее направление и средство современной модернизации России, включая восточное направление её территорий, в том числе и Дальний Восток.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой 31 декабря 2015 г., отмечается, что в целях защиты национальных интересов наша страна проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключающую затратную конфронтацию. Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета,

независимости, государственной и территориальной целостности. Возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем. Международные отношения она выстраивает на принципах международного права, обеспечения надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов. Цель Российской Федерации заключается в приобретении как можно большего числа равноправных партнеров в различных частях мира, предотвращении угроз национальной безопасности [13].

Первостепенное внимание в проведении открытой политики Российская Федерация сосредотачивает на вопросах: укрепления *внутреннего* единства нашего общества; обеспечения социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости; устранения структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации; повышения обороноспособности страны. «Уверен, – говорил В.В. Путин в 2013 г. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию, – что разворот России к Тихому океану, динамичное развитие всех наших восточных территорий не только ***откроет*** нам ***новые*** возможности в экономике, ***новые горизонты,*** но и даст дополнительные инструменты для ***проведения активной внешней политики.*** Мировое развитие становится всё более противоречивым и более динамичным. В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое ***последовательно отстаивает свои ценностные подходы***. В том числе в международных отношениях» [9].

Другой аспект вопроса состоит в *готовности* самой российской стороны (в нынешнем её состоянии) к подобной специфической *открытости:* проведению открытой властной деятельности; принятию «*прозрачных*» для властных структур, бизнеса и общества мер; способности осуществлять компетентные и достойные действия в направлении их практической реализации и пр. Историческая практика реформирования Дальнего Востока свидетельствует, что препятствиями в проведении эффективных преобразований становились не только бюрократизм, коррупция, отдаленность территорий. Более частыми и трудными проблемами выступали: *неготовность* дальневосточных территорий *к восприятию инноваций* по причине отсутствия здесь соответствующих им потребителей; *неготовность правовых и других организационных инструментов* к практическому решению предполагаемых намерений; *недостаточная* для практической реализации *проработанность предлагаемых проектов*; *непонимание* организаторами *смыслов* предлагаемых им *модернизаций* и т. п. В ходе «неудачно» проведенных реформ и модернизаций возникают ситуации, когда их результаты не подвигают к достижению поставленных целей, а, напротив, отодвигают ещё дальше от них. Исследователи же выясняют, почему «благие намерения» не были реализованы [5].

Жизненный опыт человечества и научные исследования в области менеджмента свидетельствуют, что предпосылками и основаниями реформационных «неудач» зачастую выступают разнообразные способы закрытости властных, экономических, коммуникационных, социальных и других организационных отношений. Важнейшей задачей совершенствования практики и теории российского (включая и дальневосточное) управления выступает дальнейшая разработка методологии открытого мира и овладение ею. Открытость модернизации Дальнего Востока России должна оказать существенное влияние на положение его в современном миропорядке, выбор вариантов регионального поведения и подготовку необходимых условий при ответах на вызовы нынешнего времени [7, с. 6 – 27].

Литература и источники:

1. Бакланов, П. Я. Географические и геополитические факторы и направления долгосрочного развития Арктической зоны России / П. Я. Бакланов, А. В. Мошков, М. Т. Романов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2015. – № 2. – С. 5 – 15.

2. Ефременко, В. Ф. Системный подход к оценке инновационного потенциала региона // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 3. – С. 8 – 13.

3. Канарш, Г. Ю. Прошлое и будущее национальной идеи в России / Г. Ю. Канарш // Вестник российской академии наук. – 2014. – № 5. – С. 441 – 447.

4. Ленин, В. И. Речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат. – Т. 45. – С. 300 – 309.

5. Михеева, Н. Н. К вопросу об интеграции российского Дальнего Востока в АТР / Н. Н. Михеева // Вестник ДВО РАН. – 1996. – № 6. – С. 25 – 35 ; Савченко, А. Е. Бег на месте. Почему не работают программы развития Дальнего Востока? / А. Е. Савченко // Свободная мысль. – 2014. – № 1. – С. 95 – 108.

6. Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849 – 1855 / Г. И. Невельской. – Хабаровск : Кн. изд., 1969.

7. Открытый мир в ценностях современного общества. Философия открытого мира: методологические аспекты исследования : монография / под ред. О.Н. Саяпина, В.В. Чудесов, В.Н. Шиян. – Хабаровск : ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2015.

8. Панарин, А. С. Россия на рубеже тысячелетий / А. С. Панарин // Вестник Российской академии наук. – 1996. – № 3. – С. 216 – 221.

9. Послание Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. –.– Режим доступа: cikrf.ru>actual/president/

20. Правительственная комиссия РФ по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре,

Хабаровский край. 24 окт. 2013 г. [Электронный ресурс]. –.– Режим доступа: URL:http://government.ru/news/77188

11. Россия: восточный вектор. Предложения и стратегии развития Сибири и Дальнего Востока: аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова, В. А. Крюкова. – Красноярск : Сиб. фед. ун-т. – 2014.

12. Савченко, А. Е. Между «желаемым» и «возможным»: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987 – 2015 гг. / А. Е. Савченко // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 6. – С. 83 – 91.

13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. –.– Режим доступа: consultant.ru>document/coms_doc_law_19669/

14. Сыркин, В. И. К проблеме выбора стратегии экономического роста на Дальнем Востоке / В. И. Сыркин // Вестник ДВО РАН. – 1996. – № 6. – С. 15 – 24.

15. Уянаев, С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией / С. Уянаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 8 – 21.

16. Шиян, В. Н. Коренные для российских дальневосточников социальные вопросы / В. Н. Шиян // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 3. – С. 14 – 23.